

соотношение земной церкви и небесной. Композиция службы святых отцов появляется впервые в храмах в Велюсе и Куцовендиссе. Изображение Христа в композиции Евхаристии в виде вселенского патриарха, т.е. в саккосе, встречается с XIV в. Параллельно развивается тема небесной литургии. В ранневизантийской иконографии эта тема присутствовала в виде ангелов в императорских облачениях, поклоняющихся видению Христа во славе или Богородице на престоле. Затем ангелы, облаченные в диаконские стихари и орари, появляются в композиции Евхаристии. С XIV в. небесная литургия приобретает вид Великого Входа. Таким образом, в поздневизантийской иконографии сложилась система, полностью отражающая представление об устройстве вселенной как об иерархии служений: Христу служат и ангелы, и апостолы, и святители, и земная церковь, являющая образ небесной церкви.

К гл. 5 сделаны три приложения, посвященные иконографическим программам каппадокийских церквей X в., развитию чина проскомидии и чина мелизмос (раздробление Агнца).

В заключении, подводя итоги своего исследования, Уолтер еще раз подчеркивает, что рассмотренные им изменения в иконографии отражают основные этапы становления византийской эkkлeсиологии. Переломным периодом является XI в., когда произошла смена многих иконографических типов, базировавшихся на античных традициях, на изображение в той или иной форме церковных обрядов. За этими изменениями стоит переосмысление всей концепции христианского мира; роль предводителя на пути спасения перешла от императора к церкви, осуществляющей важнейшее таинство христианства – причастие.

А. Захарова

Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords / Ed. du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1991.

Книга Катрин Жоливе-Леви представляет собой полный свод описаний сохранившихся иконографических программ апсид каппадокийских пещерных храмов VII–XIII вв. Это фундаментальное исследование – результат многолетней кропотливой работы по уточнению, дополнению и систематизации огромного количества данных, накопленных за все время изучения византийской живописи в Каппадокии. Автор лично посетила большинство каппадокийских храмов и представила в своем исследовании достоверные, подробные и нередко новые сведения. Ее книга значительно облегчает дальнейшее изучение и использование каппадокийского иконографического материала, затрудненное из-за разнородности и противоречивости (особенно в вопросах датировок) многочисленных публикаций, отсутствия письменных источников, труднодоступности памятников и путаницы в топонимах. Автор не ставит своей задачей рассмотрение вопросов стиля, доказательство датировок или углубленную интерпретацию иконографии каждой из опубликован-

ных росписей. Тем не менее Жоливе-Леви сделала очень много ценных комментариев и выводов.

Для удобства публикации автор разбила материал по географическому принципу на восемь неравных глав. Гл. 1 посвящена 19 церквям в районе деревни Чавушин (Çavuşin). Сначала описаны храмы в долине Зельве (Zelve), затем два храма близ Чавушина и далее храмы в долинах Гюллю дере (Güllü dere), Кызыл Чукур (Kızıl Çukur), Зинданёну (Zindanönü), Мескендир (Meskendir) и два недавно открытых храма в долинах Каваклы дере (Kavaklı dere) и Хал дере (Hal dere). Гл. 2 самая большая описывает храмы, расположенные вблизи двух поселков к югу от Чавушина: Авджиляр (Avcılar) и Гёреме (Göreme) – соответственно 8 и 30 церквей. В гл. 3 исследуются все остальные храмы района города Ургюп (Ürgüp), расположенные в алфавитном порядке названий турецких деревень, близ которых они находятся. Две маленькие главы посвящены церквям малоизученных районов Гюльшехира (Gülşehir) и Кесарии (Kayseri). В гл. 6 даны описания

церквей долин Мавруджан (Mavrucan), Соганлы (Soganlı) и Эрдемли (Erdeмли). Семь церквей в Эрдемли открыты всего лишь в 1989 г. Гл. 7 представляет описание трех церквей близ города Нигде (Niğde). Последняя гл. 8 посвящена храмам района Хасан Дагы (Hasan Dagi) соответственно деревням: Акхисар (Akhisar), Гёкче (Gökçe), Гюзельюрт (Güzelyurt), Нар (Nar), Селиме (Selime) и храмам долины Перистрема (Peristrema).

Описание каждой церкви начинается с кратких данных о ее местоположении и архитектуре. В примечаниях даются важнейшие публикации и ссылки на географические карты. В описании архитектуры особое внимание уделяется устройству алтарной части храма. Кратко описывается иконографическая программа нефа, а иногда и нартекса; обязательно указываются сюжеты росписей, расположенных в восточной части храма и напротив апсиды. Затем автор подробно рассказывает о декоре алтарной части, начиная с конхи апсиды и заканчивая восточной стеной нефа, воспроизводя все надписи и указывая декоративные мотивы. В конце каждого описания автор дает наиболее вероятную, по ее мнению, датировку, приводя при этом и мнения других исследователей. Поскольку точно датированные росписи в Каппадокии очень редки, а вопросы их хронологии крайне затруднительны, Жоливе-Леви не ставит задачей своего исследования доказательства датировок, предлагаемых ею.

В заключении Жоливе-Леви делает некоторые обобщения и выводы, которые представляется целесообразным кратко изложить. Автор перечисляет наиболее часто встречающиеся в каппадокийских храмах композиции и образы, указывает среди них наиболее характерные именно для этой провинции и предлагает их истолкование.

Главным для понимания смысла апсидных программ Жоливе-Леви считает литургическое значение композиции в конхе. В конхах каппадокийских храмов чаще всего встречаются изображения креста, деисуса и теофании. Изображения креста имеются в конхах каппадокийских храмов, видимо, VII–IX вв. Лучше всего они сохранились в Гюллю дере-5, в Каршибеджане (Авджи-лар), в Агиос Стефанос в Джемиле, в церкви в долине Капылы близ Караджаёрена и др.

Жоливе-Леви подчеркивает, что изображение креста в конхе включало многогранную символику, в том числе и литургическую (соотнесенность Евхаристии и крестной Жертвы). В IX–X вв. в Каппадокии получает широкое распространение изображение теофании – видения Христа во славе в окружении ангельских сил, часто с пророками Исайей и Иезекиилем. Эта композиция наиболее интересна и характерна именно для Каппадокии, поэтому автор уделяет ей особое внимание. С XI в. композиция теофании сменяется изображением деисуса, которое также имеет литургический смысл моления о заступничестве. Иногда в апсидах каппадокийских церквей встречаются изображения Вознесения, Христа между двумя ангелами или Христа на престоле. Уникальный случай – изображение Распятия в апсиде новой церкви Токалы. С ранневизантийской эпохи до XI в. в конхах также часто помещаются изображения Богородицы различных иконографических типов. Богородица часто изображается в нижнем регистре апсиды, в восточной части нефа или в одной из боковых апсид. Часто встречаются изображения донаторов, поклоняющихся Богородице.

Более подробно автор разбирает композицию теофании. Известно около двадцати изображений видения Христа во славе в окружении ангельских сил, из них восемь – с пророками Исайей и Иезекиилем. Лучше всех сохранились композиции в апсидах церквей св. Симеона в Зельве, Гюллю дере-3 и Хачлы в долине Кызыл Чукур. Обычно в центре каппадокийской композиции теофании изображается Христос во славе с символами евангелистов, по сторонам – огненные колеса, тетраморфы, ангелы, херувимы и серафимы, один из которых протягивает в клещах горящий уголь пророку Исайе, а второй – свиток пророку Иезекиилю. Изображения небесных сил нередко соединяют в себе признаки сразу нескольких чинов, сопровождаются неверными надписями. Над головой Христа изображается благословляющая десница Всевышнего в сегменте неба. Часто композицию дополняют изображение огненного озера у подножия престола и персонификации Солнца и Луны. По мнению автора, такая сложная и богатая иконографическая схема не может быть расценена как архаическая композиция сиро-палестин-

ского происхождения, выжившая в Каппадокии из-за отсталости и консервативности этой провинции. Напротив, по мнению автора, каппадокийская иконография теофании прекрасно вписывалась в круг тем, ставших актуальными после победы иконопочитания. Жоливе-Леви также высказывает предположение, что на сложение каппадокийской композиции теофании могли повлиять современные ей купольные программы: изображение Христа в центре, вокруг – небесные силы (как в некоторых более поздних памятниках) и пророки (в каппадокийских храмах они очень часто изображаются в виме, причем, как и в куполах, Давиду и Соломону отводится почетное место). Но главный смысл каппадокийской иконографической схемы теофании – в ее литургической символике. Жоливе-Леви указывает на многие черты, подтверждающие это. Например, надписи, сопровождающие символы евангелистов (Ϝβοῦτα – орел, βοῶβιτα – бык, κεκραῦβιτα – лев, λέωυιτα – человек), уже давно были соотнесены со словами ангельской песни во время Анафоры (“победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф”). Надписи “шестикрылый” и “многочитый”, сопровождающие изображения серафимов, херувимов и тетрамоρφов и Трисагион на лабарумах архангелов также имеют литургическое происхождение. Но наиболее полно литургический смысл композиции раскрывается в образе пророка Исайи. Уподобление евхаристического хлеба горящему углю, а также обозначение лжицы словом λωβίς (в переводе – “клещи”), ясно указывают на текст пророчества Исайи. Изображение пророка Иезекииля лишь дополняет изображение Исайи и имеет второстепенное значение. В некоторых храмах Иезекииль даже изображен с углем вместо свитка. Но в любом случае совершенно ясно, что эти изображения “духовного питания” – образа очищения пророков – вводятся в программы апсид именно как прообраз Евхаристии. Автор предполагает, что эта иконографическая схема теофании была разработана в одном из значительных центров Каппадокии, скорее всего в Кесарии, от живописи которой ничего не сохранилось. В пользу этого предположения говорят и некоторые элементы композиции, связанные с традицией толко-

вания Апокалипсиса, распространенной в Каппадокии (например, с комментариями Арефы Кесарийского), такие как расположение символов евангелистов вокруг престола Христа и изображение огненного озера у его подножия. По мнению автора, изображение огненного озера тоже имеет евхаристическую символику. Оно встречается только вместе с изображением пророка Исайи и так же, как и горящий уголь, видимо, означает очищающее и освящающее действие Евхаристии.

Далее Жоливе-Леви переходит к рассмотрению иконографических программ нижнего регистра апсид, также придавая особое значение истолкованию их смысла. До X в. в Каппадокии, как и во многих других провинциях Византийской империи, в нижнем регистре апсид обычно изображались Богоматерь, Иоанн Креститель и двенадцать апостолов. Кроме этих изображений в апсидах каппадокийских церквей часто помещались образы различных святых. Автор подробно перечисляет их по чинам, отмечает наиболее почитавшихся (как общевизантийских, так и местных) и поясняет назначение их изображений. Изображения святых в алтаре были в первую очередь моленными образами почитаемых заступников и защитников от всякого зла. Состав образов святых мог быть достаточно разнообразным и во многом зависел от воли заказчиков, игравших, видимо, важную роль в составлении иконографической программы храма и нередко изображавшихся в алтарной части. Чаще всего в апсидах представлены святители, святые воины и святые врачи. Жоливе-Леви особо отмечает памятники, в апсидах которых к традиционным изображениям Богоматери, Иоанна Крестителя и апостолов добавлены фигуры святителей. Такие композиции являются переходным звеном в процессе формирования святительского чина, они встречаются в Каппадокии с первой половины X в. Сам святительский чин в Каппадокии также появляется уже в X в. (например, в церкви Иоанна Крестителя в Гюллюдере, в храмах 4а, 15а и Кылычлар в Гёреме), однако композиция службы святых отцов в Каппадокии почти не встречается. Из святителей чаще всего изображались великие каппадокийские отцы церкви, реже – другие малоазийские святители (Леонтий

Кесарийский, Ипатий Гангрский, Афиноген Пидактойский, Амфилохий и Корнута Иконийские и др.), чудотворцы. Известно достаточно много изображений в апсидах архидакона и первомученика Стефана. Часто встречаются в виме или в боковых апсидах образы Иоакима и Анны, особенно с XI в. (например, в церквах Элмалы, Чарыклы и Каранлык в Гёреме, в церкви св. Федора в Тагаре и др.). Как защитников и покровителей в Каппадокии очень чтили архангелов, равноапостольных Константина и Елену и святых воинов. Особенно почитались архангел Михаил и св. Георгий. Сохранилось достаточно много изображений донаторов с архангелом Михаилом (например, в Большой голубятне в Чавушине, в церквах Каранлык и 4с в Гёреме, в церкви Карабаш в Соганлы и др.) и со св. Георгием (в Юсуф Коч в Авджиларе, в церкви св. Георгия в Беллисирме и др.). Распространение почитания святых воинов, видимо, было обусловлено очень большим процентом военного населения в Каппадокии, служившей плацдармом для постоянных войн на восточных рубежах империи. Также достаточно часто в апсидах каппадокийских церквей мы видим изображения святых врачей Пантелеймона, Космы и Дамиана. Из мучеников и святых жен многие тоже почитались как целители. По сравнению с небольшим количеством сохранившихся в алтарных частях храмов изображений мучеников, святых жен и преподобных автор заключает, что они почитались в Каппадокии меньше, чем святые воины и целители. Среди изображений мучеников часто встречаются малоазийские святые: сорок мучеников севастийских, святые Кирик и Иулита, св. Орест Тианский, св. Христофор, пять персидских мучеников (Акиндин, Анемподист, Еллидифор, Афтоний и Пегасий), св. Евстафий, св. Иерон и др. Тем не менее, многие из известных малоазийских святых почти никогда не изображались в Каппадокии в алтарных частях храмов (например, св. Мамант, св. Меркурий). Святые жены и преподобные изображались в апсидах достаточно редко, видимо, почти только

в посвященных им храмах (например, св. Варвара в храме в Соганлы, св. Екатерина в Гёреме-21, св. Анастасия в Гюллю дере-3, св. Кириака в церкви Эгритах в Ихларе, и др.); св. Симеон и Никита столпник в посвященных им церквах в Зельве и Кызыл Чукуре. И эти образы в первую очередь воплощали надежду людей на заступничество святых покровителей храмов. Исключение составляют изображения святых Зосимы и Онуфрия, несущие важный смысл образов Евхаристии. Необычно большое количество образов монахов и аскетов имеется в новой церкви Токалы (середина X в.) в Гёреме. По мнению автора, это может указывать на то, что церковь Токалы была кафоликоном очень значительной монашеской общины. В росписях Большой голубятни в Чавушине, на которые во многом повлияли фрески Токалы, также несколько образов преподобных помещено на алтарных столбах.

Изучение состава святых в алтарных частях храмов позволяет Жоливе-Леви сделать некоторые выводы не только о религиозной жизни в Каппадокии, но и получить какое-то представление о ктиторах храмов – воинах, мелких землевладельцах и монахах, об их насущных нуждах, часто влиявших на их духовные стремления. По мнению автора, выбор святых говорит в большинстве случаев о простой народной вере; Каппадокия в средние века не была центром духовной жизни Византийской империи. Эти выводы социального и историко-религиозного характера, сделанные Жоливе-Леви на основе изучения иконографии, также представляются ценными для изучения искусства Каппадокии.

В конце книги имеется несколько указателей по отдельным иконографическим темам, ветхозаветным и новозаветным сюжетам и персонажам, по именам святых, по названиям каппадокийских храмов и других византийских памятников. Это делает очень удобным использование книги в качестве справочника, на что она в основном и рассчитана.

А. Захарова